

(*per se Gratification*) за винныя порціи, которыя онъ постоянно выдавалъ послѣ смотровъ.

Что же касается капитана Самума, то въ Крыму онъ окончилъ свою доблестную службу.

Русскій офицеръ кричалъ ему:

— Сдавайтесь!

— Нѣтъ! отвѣчалъ капитанъ Самумъ.

— Вы окружены, крикнулъ Русскій:—сдавайтесь, или вы погибли!

— Ну вотъ! это мелочи! возразилъ капитанъ и въ ту же минуту упалъ мертвымъ.

ЛУИ ПУАРЪ.

О ГРАМОТНОСТИ ВЪ АРМІИ.

По поводу рѣчи о народномъ образованіи, сказанной г. Рубокомъ въ Салисбери, «Современная Лѣтопись» «Русскаго Вѣстника», въ № 4 настоящаго года (15 стр.), замѣчаетъ: «Корень ошибки самыхъ доброжелательныхъ мнѣній, высказавшихся въ послѣднее время о лучшемъ устройствѣ народнаго воспитанія у насъ, заключается въ нетерпѣливости нашего доброжелательства. Убѣдившись въ пользѣ чего бы то ни было, мы сейчасъ расположены прибѣгнуть къ власти, дѣйствовать принужденіемъ». На сколько справедливо это замѣчаніе въ отношеніи устройства школъ и хода развитія грамотности въ арміи, можно заключить изъ слѣдующаго разсказа.

Въ февралѣ, я заѣхалъ къ одному моему знакомому ротному командиру (въ нашей губерніи стоятъ ** пѣхотная дивизія) и нашелъ его занятымъ какимъ-то писаніемъ. Конечно, я полюбопытствовалъ спросить, что онъ дѣлаетъ, и узналъ, что надняхъ онъ идетъ въ полковой штабъ съ ротой для постройки мундирной одежды и что полковой командиръ будетъ тамъ экзаменовать грамотныхъ, для чего и готовится вѣдомость о томъ, сколько въ ротѣ состоитъ: грамотныхъ, обучающихся и неграмотныхъ. Заглянувъ въ вѣдомость, я увидѣлъ, что грамотными въ ротѣ показана цѣлая половина нижнихъ чиновъ, а другая половина наименована обучающеюся,

такъ что въ ротѣ вовсе неграмотныхъ нѣтъ. Мой знакомецъ, ротный командиръ, былъ обыкновенный смертный, и потому я сейчасъ смекнулъ, что, вѣроятно, и въ другихъ ротахъ грамотность въ такомъ же состояніи, слѣдовательно половина людей въ полку грамотная; а какъ всѣ полки имѣютъ одинаковые составные элементы, значить у насъ половина арміи грамотная. Фантазія у меня разыгралась: я заговорилъ о громадной пользѣ, какую доставить нашей милой родинѣ развитіе грамотности въ войскахъ, такъ какъ огромное число грамотѣевъ ежегодно возвращается въ среду крестьянства, армія же пополняется свѣжими людьми, которыхъ тоже усаживаютъ за азбуку, и т. д. Я много говорилъ. Молча слушалъ меня хозяинъ, не возразилъ ни одного слова, только хмурился, нетерпѣливо какъ-то двигался на стулѣ, а въ заключеніе расхохотался, и расхохотался зло. Не успѣлъ я еще спросить объясненія, по моему, неумѣстнаго хохота, какъ хозяинъ уже извинялся.

— Простите мой смѣхъ, говорилъ онъ: — но, слушая васъ, я невольно думалъ о томъ, какъ всѣ мы привыкли вѣрить всѣмъ вѣдомостямъ. Изъ вѣдомостей вы увидите, что грамотность въ войскахъ идетъ исполинскими шагами впередъ, растетъ, какъ наши сказочные богатыри, не по днямъ, а по часамъ, и придете въ восторгъ: половина арміи грамотная! Дѣйствительно, есть отъ чего придти въ восторгъ, да только человѣку постороннему, а не служащему, который знаетъ, что эта грамотная половина арміи не болѣе, какъ читающая машина, и что пользы и толку въ ней мало, а пожалуй еще будетъ и вредъ, какъ эти грамотѣи вернутся домой, да примутся читать да пояснять своимъ землякамъ февральскія положенія. Не знаю, какъ идетъ грамотность въ гвардіи и въ войскахъ, расположенныхъ въ казармахъ, при удобствахъ для занятій несравненно большихъ; но у насъ, въ войскахъ, расположенныхъ на просторныхъ квартирахъ, дѣло это идетъ плохо, хотя грамотныхъ много. Причинъ тому не оберешься: главное — не умѣючи взялись за дѣло. Я докажу вамъ правду моихъ словъ примѣромъ нашего полка, и, вѣрно, полкъ нашъ не исключеніе изъ ряда другихъ. Нашъ корпусъ находится въ кадровомъ составѣ, и въ ротѣ, по спискамъ, состоитъ около 105 рядовыхъ и 15 унтеръ-офицеровъ. Возьмите ротный подробный расходъ, и увидите, что изъ этого числа въ расходъ: въ дальнихъ командировкахъ: унтеръ-офицеръ 1, при дивизионномъ штабѣ, для письма, рядовыхъ: въ образцовомъ баталіонѣ 1,

въ артиллеріи, для обученія приёмамъ при орудіяхъ, 1, въ дивизионной юнкерской командѣ 1, въ шестидесячномъ отпуску 3, унтеръ-офицеръ 1 и рядовыхъ 6; при полковомъ штабѣ, въ жалонерной командѣ, унтеръ-офицеръ 1 и рядовой 1, въ канцеляріи для письма унтеръ-офицеръ 1, рядовыхъ 3, въ музыкантской наукѣ рядовой 1, въ горнистской наукѣ рядовой 1, въ полковой швалнѣ 10 рядовыхъ, сапожниковъ 2, при лазаретѣ за фельдшера унтеръ-офицеръ 1, въ учебной командѣ унтеръ-офицеръ 1, рядовыхъ 2, всего унтеръ-офицеровъ: 4, рядовыхъ 20. Этихъ людей вы не увидите уже всю зиму, т. е. именно въ то время, когда только и есть возможность заниматься грамотностію. Сверхъ того, въ командѣ при баталіонномъ штабѣ 3 рядовыхъ, да въ домашнемъ расходѣ, въ караулѣ при полковомъ штабѣ 6 рядовыхъ, на пѣшей почтѣ 4, вѣстовыхъ 2 рядовыхъ. Эти люди смѣняются со службы черезъ недѣлю и черезъ двѣ. И выходитъ, что постоянно въ ротѣ налицо только 10 унтеръ-офицеровъ и 62 рядовыхъ. Это расходъ въ моей ротѣ. Предположите въ другихъ ротахъ нѣсколько меньшей, все же съ унтеръ-офицерами въ ротѣ не будетъ болѣе 80 человекъ налицо; значитъ, $\frac{1}{3}$ роты постоянно въ расходѣ, за образованіе которой вы все-таки одинъ отвѣтчикъ. Вотъ эти-то 80 человекъ расположены въ ротахъ на квартирахъ, деревняхъ въ 12 — 15; крайнія точки расположенія роты отстоятъ одна отъ другой верстъ на 20, а нерѣдко и на 30. Сдвинуть роту нельзя, потому что настоящимъ расположеніемъ уравнена между жителями постоянная повинность, и если мужички провѣдаютъ, что въ соседней деревушкѣ не стоятъ служивые, а постоя, между тѣмъ, долженъ быть, такъ вы знаете, какія претензіи могутъ возникнуть, приварокъ станутъ солдатамъ давать дурной (а онъ и такъ куда плохъ!), а объ уступкѣ провіанта въ пользу нижнихъ чиновъ (краеугольный камень нашихъ экономическихъ суммъ) нечего и думать. Напротивъ, чѣмъ просторнѣй стоитъ рота, тѣмъ легче жителямъ продовольствовать солдатъ и тѣмъ болѣе вѣроятія на уступку провіанта. У насъ явилась было слѣдующая мысль: такъ какъ въ ротахъ налицо людей мало, а районы просторны, то находящіяся подъ расположеніемъ ротъ селенія раздѣлить на двѣ равныя части и въ каждой части стоять цѣлой ротой половину того времени, когда роты находятся на кантониръ-квартирахъ. Кажется, удобно, не правда ли? Нѣтъ, не такъ. При сгруппированіи роты въ одну половину района необходимо

перемѣстить и ротный дворъ: вѣдь онъ долженъ быть въ центрѣ расположенія; а какъ перемѣстить манежъ, необходимый для ученій роты? Нельзя; ну, и приходится для этихъ ученій очистить нѣсколько крестьянскихъ избъ. Какъ тяжело для жителей занятіе ихъ избъ для ученій, вы, можете быть, и знаете! Съ вечера дается знать хозяину дома, чтобъ его изба была вытоплена чуть-свѣтъ, чтобъ ни ребятъ, ни телятъ, ни свиней, ни куръ въ избѣ не было; полаты чтобъ были сняты, иначе ружейныхъ приемовъ нельзя дѣлать. Вотъ и начинается возня. Еще на зарѣ изба прибрана, конечно, при пособіи ефрейтора, который ужъ знаетъ что и какъ слѣдуетъ сдѣлать; хозяйева на полдня переселяются къ сосѣдямъ, за исключеніемъ развѣ какойнибудь старухи, не слѣзающей уже нѣсколько лѣтъ съ печи; куры, телята, свиньи и проч. выгоняются на свѣтъ Божій, на непокрытый дворъ. Вѣдь въ вашей черноземной полоскѣ двойныхъ избъ почти нѣтъ; стало быть, надо стѣснить жителей, а ученье все-таки не можетъ идти путно въ здѣшнихъ маленькихъ, темныхъ и курныхъ избахъ. Такъ эту мысль и бросили, и мы остались при прежнемъ расквартированіи. Занятій, въ настоящее время, у насъ очень много, потому что послѣ крымской кампаніи взгляды на образованіе солдата перемѣнились: нынче мало уже хорошо маршировать да дѣлать ружейные приемы съ вывертомъ, чтобы быть хорошимъ солдатомъ: теперь справедливо требуютъ отъ хорошаго солдата физическаго и умственнаго развитія, чтобъ онъ не потерялся, не оплошалъ въ разсыпномъ строю, гдѣ часто бываетъ предоставленъ самъ себѣ. Къ несчастію, еще и теперь иные не могутъ отрѣшиться отъ старыхъ ошибокъ, а подъ часть и въ новомъ, хорошемъ, отъ старанія, что называется, зарываються за банкъ. Что можно кое-что бросить изъ нашихъ занятій, вы можете видѣть изъ ихъ перечня. Вотъ онъ: одиночная выправка, маршировка, ружейные знаменитые пунктики, знаніе на зубокъ, à la пунктики, по форменнымъ вопросамъ и отвѣтамъ, сборки, разборки и сбереженія оружія, теорія стрѣльбы, упражненіе съ палками для развитія кистей рукъ, гимнастическія тѣлодвиженія, доведенныя до такого же согласія въ исполненіи, какъ и ружейные приемы, фехтовальные ружейные приемы, въ исполненіи которыхъ требуется тоже строжайшее согласіе, бой на штыкахъ, уставы гарнизонной и аванпостной службы, обученіе закону Божию и, какъ вѣнецъ всего, *практическіе марши*

и бой пльхоты на раяирахъ. Чтoбъ передать все это солдатамъ, всю зиму ихъ учать или на ротномъ, или на капральныхъ дворахъ, и они постоянно въ движеніи: или съ ученій на квартиры или съ квартиръ на ученья; свободнаго времени почти нѣтъ, кромѣ воскресныхъ дней. При такихъ-то условіяхъ зимней стоянки (*), приказано было заняться обученіемъ нижнихъ чиновъ грамотѣ, для каковой надобности назначить въ каждой ротѣ по 25 человекъ. Вотъ тутъ и вышла важная ошибка: весьма немногіе ротные командиры обратились къ солдатамъ со спичемъ о грамотности и вызвали желающихъ учиться; большая часть, забывъ, какъ много въ этомъ дѣлѣ значить собственная охота, и что ростъ и дородство, а также отличная маршировка и тонкое знаніе ружейныхъ приемовъ не есть еще залогъ умственныхъ способностей, просто собрали роты, прошли по первой шеренгѣ, вытащили изъ нея 25 молодцовъ, да и объявили имъ, что они должны будутъ обучаться грамотности (это напоминаетъ выборъ въ музыканты). Средства слѣдующія: разрѣшено выводить ежемѣсячно въ расходъ изъ экономическихъ суммъ на ротныя школы по 1 р. 64¼ коп. каждой ротѣ. Этого на первое время достаточно. Команды собраны на ротныя дворы, учителя — ротные командиры, и поменьку дѣло пошло впередъ. О методѣ не спрашивайте: кто какъ зналъ или какъ нашелъ лучше учить, такъ и училъ. Но всякій ли ротный командиръ способенъ быть учителемъ, и всякій ли изъ нихъ, сверхъ всѣхъ своихъ многообразныхъ обязанностей, съ удовольствіемъ возьметъ на себя еще лишній трудъ учить солдатъ грамотѣ? не поручить ли онъ этого труда всеумудрому ротному писарю? Можетъ быть, вы скажете: что же дѣлають субалтернъ-офицеры? На это я отвѣчу: почти ничего. Рѣдкій изъ нихъ помогаетъ ротному командиру; большая же часть и донынѣ подозреваетъ, что мы имѣемъ отъ командованія ротъ значительные доходы, пользуемся ими одни, а потому одни и должны нести на себѣ всю тягость образованія солдатъ и командованія ими. Командиръ полка, вы знаете, необыкновенно дѣятельный человекъ. Когда, зимой, роты приходятъ въ полковой штабъ, для занятія карауловъ и постройки мундирной одежды, онъ задаетъ солдатикамъ такую экзаменацію, что у нихъ поджилки трясутся за недѣлю, а нашъ братъ, ротный командиръ, смо-

(*) На которой, какъ предполагается, солдатъ отдыхаетъ.

тричь окончательно сентябрёмъ. Одни эти пунктики наводятъ ужасъ. Такъ и вертится вопросъ: а что, какъ кто нибудь изъ солдатъ да не отвѣтитъ командиру, кто у насъ начальникъ штаба кавказской арміи, или кто дежурный генераль 1-й арміи, какъ ему имя и отчество, или на другой какой вопросъ — бѣда. Вотъ мы съ ноября мѣсяца и стали прибывать въ штабъ на экзамень къ нашему строгому и дѣятельному командиру, а, замѣтите, учиться грамотѣ мы начали только съ октября, отдохнувъ послѣ лѣтняго тѣснаго сбора. Результатъ экзаменовъ былъ общій, т. е. вездѣ очень незначительные успѣхи; да иначе и быть не могло: дѣло новое какъ для обучаемыхъ, такъ и для обучающихъ, ученики народъ лѣтъ тридцати и болѣе (вѣдь и дѣти не всѣ быстро развиваются), къ тому же всѣ тѣ занятія служебныя, о которыхъ я говорилъ, да и времени немного. Но командиръ нашъ думалъ иначе: гдѣ приказаніе, тамъ должно быть и исполненіе; а потому если ротный командиръ серьезно занимается обученіемъ грамотѣ, то всѣ солдаты должны успѣвать одинаково быстро; если же который отстанетъ отъ товарищей, то это не болѣе, какъ лѣнь. Такого по головкѣ гладить нечего: для этого есть возбуждательныя средства. Вотъ гдѣ ошибка: тридцатилѣтнихъ парней заставлять учиться грамотѣ. Къ счастью, между ротными командирами нашлись люди съ истиннымъ взглядомъ на образованіе народа; они словомъ и дѣломъ доказывали товарищамъ возможность учить уму-разуму безъ понужденія; но—увы!—были и такіе, которые хотя къ розгамъ не прибѣгали, но ввернуть крѣпкое слово считали очень полезнымъ. Дѣло было испорчено въ зародышѣ: грамота почти опротивѣла солдатикамъ; они стали смотрѣть на нее, какъ на необходимое зло, какъ на пунктики, и учиться только потому, чтобъ избѣжать наказанія. Какъ вы думаете, хороши должны были быть успѣхи, а?... Вотъ что случилось съ моей ротой. Когда пришла очередь и я съ ротой отправился въ караулъ, начался и у меня экзамень. Какъ теперъ помню, вызывается рядовой Борисовъ, малый со способностями и съ любовью занимавшійся грамотой; въ спискѣ, представленномъ мною командиру полка, противъ него стоитъ отиѣтка: читаетъ безъ складовъ. Борисовъ подходитъ къ командиру, беретъ книгу трясущимися руками, на лицѣ начинаетъ проступать потъ, и, кажется, онъ думаетъ: «пронеси Господи! и за фронтъ битъ не бывалъ.» — «Читай!» говоритъ строгій голосъ. Но у солдатика и въ глазахъ за-

волокло, и онъ дрожащимъ голосомъ читаетъ строчку, начинающуюся переносомъ слова.—«Болванъ! кто же читаетъ съ половины слова? начинай съ точки.» «Батюшки!—думаетъ солдатъ—накажутъ!» (это написано у него на испуганномъ лицѣ), и кой-какъ плететъ слово за словомъ; а съ конца его носа капаетъ въ книгу.—«Довольно! говорить строгій голосъ:—расскажи, что ты понялъ изъ того, что прочелъ?» Молчитъ солдатъ, потому что ровно ничего не понялъ.—«Да онъ у васъ, господинъ поручикъ (это говорится мнѣ), какой-то олухъ! какъ можно читать и не понимать что читаешь! Вы, вѣрно, невнушаете имъ понимать читаемое. Онъ едва склады разбираетъ, а вы показали его читающимъ.—Да наконецъ, заключаетъ полковой командиръ:—позвольте вамъ замѣтить, у васъ солдаты какіе-то дикари: стоитъ передъ своимъ начальникомъ, дрожить, весь въ поту; видно, что вы мало говорите съ ними, удаляетесь отъ нихъ.» Солдатъ торопливо идетъ въ свое мѣсто, не смѣя отереть потъ, но лицо нѣсколько просіяло. «Слава тебѣ Господи, провалило», думаетъ онъ. Какое впечатлѣніе должна была произвести эта сцена на ожидающихъ своей очереди экзаменоваться, понятно. Ученики мои до того перетрусили, такую чушь несли, что грустно и смѣшно было смотрѣть на нихъ. А у меня были ученики-охотники! То-то, я думаю, ругали они себя за то, что чортъ ихъ дернулъ послушаться ротнаго и взвалить на себя такую обузу, какъ грамотность. Счастливычки, дескать, тѣ, которые не захотѣли учиться: времени больше свободнаго. Такъ, или почти такъ, было и во всѣхъ ротахъ. Прошла зима, миновались долгія солдатскія ночи, зазеленѣли поля, и мы вышли на тѣсныя сборы. Тутъ ужъ не до грамотности: пошли занятія другаго рода. Дождь ли поливаетъ вашъ благодатный черноземъ, солнце ли прожигаетъ горячимъ гвоздемъ маковку, мы все въ полѣ; надо на смотрехъ попасть въ первый нумеръ (это выраженіе техническое: попасть въ первый нумеръ значить на смотре начальника перещеголять другіе полки во всѣхъ предметахъ военнаго образованія и хозяйства). Ну-съ, мы и попали въ первый нумеръ; а какъ досталась эта честь, легко ли, тяжело ли—одинъ Богъ про то знаетъ. Сборы кончились въ августѣ; сентябрь былъ отданъ на отдыхъ, а съ октября приказано опять начать занятія и обратить особенное вниманіе на развитіе грамотности между нижними чинами, для чего назначить въ ротахъ для обученія еще по 25 человекъ въ каждой. Опять капитальная ошиб-

на. Прошлогодней команды 25 человекъ, до тѣснаго сбора, кой-какъ читали, но до смысла читаемаго добираться еще не могли; кой-какъ писали, т. е. списывали съ прописей, и кой-что знали изъ ариметики. Во время трехмѣсячныхъ лѣтнихъ служебныхъ занятій уйдти впередъ, конечно, они не могли, а многіе даже попятились назадъ. Ясно, что для того, чтобы они не остались еще надолго читающими машинами, съ ними много еще нужно было трудиться; а тутъ приказываютъ собрать новую команду въ 25 человекъ. Нельзя же держать на ротномъ дворѣ всю зиму 60 человекъ, когда въ ротѣ всего человекъ 80. Во 1) отяготить жителей постояннымъ, большимъ постоемъ (а случается, что ротный дворъ имѣетъ не болѣе 50 избъ), во 2) вслѣдствіе первой причины оставить солдатъ почти безъ приварка, въ 3) надо же имѣть людей для службы, т. е. для караула, пѣшей почты и т. п. Вотъ и пришлось выбрать изъ двухъ золъ: или собрать новую команду, а прежнюю, далеко недоученую, распустить по капральствамъ, предоставляя имъ самимъ совершенствоваться въ дѣлѣ грамотности, или, наоборотъ, прежнюю команду оставить на ротномъ дворѣ, въ теченіе зимы, такъ какъ люди подготовлены, выучить ихъ сознательно читать, писать и четыремъ правиламъ ариметики, а вновь назначенныхъ 25 человекъ оставить по деревнямъ, раздать имъ азбуки, и пускай себѣ хоть чтонибудь да выдолбятъ. Я оставилъ прежнюю команду. Въ обоихъ случаяхъ, тѣ 25 человекъ, которые находились бы на ротномъ дворѣ, должны бы были, за недостаткомъ людей въ ротѣ, нести въ очереди съ другими и служебныя обязанности, т. е. ходить въ караулъ и т. п., чрезъ что, конечно, много времени находились бы внѣ ротнаго надзора, и, по выше объясненной любви ихъ къ грамотѣ, легко понять, какъ мало занимались бы они ею. Да такъ оно и вышло. Когда въ декабрѣ я опять прибылъ съ ротой въ штабъ полка, для занятія карауловъ и постройки мундирной одежды, то на экзаменѣ командира полка 25 человекъ прежней команды показали себя удовлетворительно, но за то другіе 25 человекъ далѣе складовъ или азбуки не уѣхали, за что я удостоился получить строжайшій выговоръ. На вопросъ, отчего эти 25 человекъ не оказали почти никакого успѣха въ грамотности, я въ свое оправданіе отвѣчалъ слѣдующее: успѣхи малы оттого, что вторая команда въ занятіяхъ грамотой была предоставлена сама себѣ; что руководителей и учителей у ней почти не было, такъ какъ я заблагоразсудилъ преж-

нюю команду опять собрать на ротномъ дворѣ для окончательнаго обученія толковому чтенію, письму и четыремъ правиламъ ариѳметики, чтобъ имѣть на будущій годъ 25 учителей; что тогда развитіе грамотности пойдетъ быстрее, такъ какъ каждый изъ доучившихся 25 человѣкъ, въ теченіе года, легко можетъ выучить одного своего товарища, для чего не надо будетъ собирать и команды: стоитъ только по деревнямъ уравнивать число грамотныхъ и неграмотныхъ солдатъ, и они, въ своихъ квартирахъ, на свободѣ, не стѣсняясь присутствіемъ начальника и формой (*), будутъ учиться съ большей охотой, слѣдовательно дѣлать и большіе успѣхи. Я прибавилъ, что, такимъ образомъ, года въ четыре или лѣтъ въ пять вся рота будетъ состоять изъ дѣйствительно грамотныхъ а не попугаевъ, которые вреднѣе неграмотныхъ, что тогда, даже при мѣняющемся составѣ, грамотность будетъ идти впередъ безъ особенныхъ усилій, и ротный командиръ будетъ имѣть время заниматься фронтовымъ образованіемъ и проч. Меня выслушали, и сказали слѣдующее: «Г. Н., въ вашихъ словахъ есть доля правды; но если всѣ гт. ротные командиры вздумаютъ поступать такъ, какъ вы, то въ заключеніе выйдетъ то, что я получу замѣчаніе, а я вовсе не желаю имѣть его по вашей милости. При инспекторскихъ смотрахъ потребуется отчетъ о грамотныхъ въ полку; въ другихъ полкахъ покажутъ, что въ каждой ротѣ 50 человѣкъ нижнихъ чиновъ, обученыхъ письму и чтенію, а я покажу по 25 человѣкъ?!... Нѣтъ, господинъ поручикъ, впередъ извольте исполнять приказаніе начальства въ точности. Я буду опять экзаменовать вашу роту, и если къ лѣту у васъ не будетъ 50 грамотныхъ, то я принужденъ буду взять у васъ роту и передать командованіе ея другому офицеру». Что оставалось мнѣ дѣлать? Положимъ, я зналъ, что по приходѣ на тѣсный сборъ командиру полка некогда будетъ повѣрять успѣхи ротъ въ грамотности: одолѣютъ маршировка да ружейные приемы; вѣроятно, и другія роты не звѣзды же съ неба схватили, вѣдомость же къ инспекторскимъ смотрамъ можно составить сообразивъ съ другими, и потому могъ бы, кажется, продолжать занятія съ тѣми же 25 человѣками, а въ слѣдующую зиму, при помощи

(*) Вѣдь стоитъ чего нибудь высидѣть часа три въ школѣ, въ небольшой на-топленной хатѣ, въ толстѣйшей шинели, застегнутой на всѣ пуговицы и крючечки, не снѣи ни разсѣяться, ни кракнуть или зѣвнуть!

ихъ, а даже ушелъ бы впередъ отъ другихъ ротъ; но вспомни командиръ свое обѣщаніе переэкзаменовать мою роту, тогда кто знаетъ, что вышло бы. И вотъ, скрѣпя сердце, я пошелъ по одной дорогѣ со *всѣми*, и эти *всѣ*, не желая подвергаться выговорамъ и даже возможности проиграть по службѣ, буквально исполняли приказъ, т. е. назначали команду, едва выучивши ее чему нибудь, махнувъ рукой говорили: «сойдетъ!» и, согласно приказу, принимали за другую команду, тамъ за третью и т. д. Теперь въ ротахъ всѣ солдатики, поголовно, обучаются грамотѣ: половина ихъ, какъ вы видѣли изъ вѣдомости, читаютъ, пишутъ, но сколько изъ этой половины понимаютъ, что пишутъ и читаютъ, трудно опредѣлить; кажется, безошибочно можно сказать, что изъ десяти человѣкъ одинъ, можетъ быть, и пойметъ, что прочитаетъ. Въ доказательство, что для большей части нынѣшнихъ солдатъ книги такъ же темны, какъ и для неграмотныхъ, приведу слѣдующіе примѣры удивительнаго объясненія ими прочитаннаго. Напримѣръ, солдатъ читаетъ что-то о Пугачевѣ; его спрашиваютъ: кто былъ Пугачевъ? «Не знаю, ваше—скабродіе!» Командиръ хочетъ навести его на отвѣтъ: «Ну какъ, братецъ, не знать! его вся Россія знаетъ. Вспомни, его еще въ Москву возили въ желѣзной клеткѣ». Солдатъ живо смекнулъ и чуть не кричитъ отъ восторга, что догадался: «птица, ваше—скабродіе!» Еще примѣръ: въ книгѣ встрѣчается слово фельдцейхмейстеръ. спрашиваютъ, что это за чинъ такой, какую должность исполняетъ имѣющій его. Солдатъ пунктики вызубрилъ славно и потому смѣло начинаетъ: «Его Императорское Высочество»... «Стой, стой, братецъ! тебя не спрашиваютъ, кто у насъ въ Россіи генераль-фельдцейхмейстеръ, а просто — что это за должность такая? Задумался солдатъ, долго молчитъ, тяжело вздыхаетъ и, наконецъ, растягивая слова, вѣроятно, боясь ошибиться, процѣживаетъ: «это то есть... значить, ваше—скабродіе, по земному шару»... и остановился, самъ удивившись своему отвѣту. Вообразите себѣ гомерическій хохотъ слушателей, конечно только командировъ. Чтобъ поправить дѣло, обращаются съ тѣмъ же вопросомъ къ унтеръ-офицеру, и онъ довольно живо отвѣчаетъ «это, ваше—скабродіе, онъ занимаетъ свое мѣсто». — Ну да, занимаетъ свое мѣсто, да мѣсто-то это какое? — «Разныя дороги... пути... ваше—скабродіе!...» Стоятъ въ книгѣ параграфы (§); солдатъ слышалъ, какъ прозываютъ этотъ значекъ, и читаетъ: топографъ 1-й, топографъ 2-й и т. д.

Не довольно ли вамъ и этихъ примѣровъ, а то право, и не кончишь, если пересказывать всю эту чепуху.

Собесѣдникъ мой замолкъ и закрутилъ усь. Я тоже задумался. «Такъ такъ-то-съ — наконецъ сказалъ онъ, глубоко вздохнувъ — выходить, восторгаться-то и нечѣмъ....»

МЕ-ВОЕННЫЙ.

Черноземная полоса.

Марта 1862 г.